

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ БРАТЬЕВ ГРИММ

КЕННЕТ БЁ АНДЕРСЕН • БЕННИ БЁКЕР • Д.К. МОРТЕНСЕН

Якоб и Вильгельм Гримм
Страшные сказки
братьев Гримм
Серия «Скандинавские боги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67879359

Страшные сказки братьев Гримм. Якоб и Вильгельм Гримм: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146980-1

Аннотация

Сказки изменчивы, и такими они были всегда – начиная с древнейших времен, когда первые люди расселись вокруг костра и повели рассказ. Нам кажется, что мы знаем сказку про Красную Шапочку вдоль и поперек, но так ли это на самом деле? Останется ли беспечная девочка в живых или погибнет в животе у волка? Что на самом деле приключилось с Рапунцель? Кто отправил Ханса и Гретель в лес к колдунье?

Для этой книги мы отобрали десять лучших сказок, написанных братьями Гримм. Эти истории – грубые, жестокие, злые, прекрасные, удивительные, волшебные – вернут нас в тот прежний мир, где сказки рассказывали не только детям, но и всем тем, кому хотелось послушать занимательное повествование.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Ханс и Грета	10
Поющая косточка	35
История про мальчика, который хотел страху учиться	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Якоб и Вильгельм Гримм
Страшные сказки
братьев Гримм
Пересказ Кеннета Бё
Андерсена и Бенни Бёдкера

Grimm

Originally published as a Storytel Original Series

Text © 2019 Benni Bødker, Kenneth Bøgh Andersen
(«Originally Published as a Storytel Original»)

Illustrations © 2019 John Kenn Mortensen

© М. Канарская, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

Сказки изменчивы, и такими они были всегда – начиная с древнейших времен, когда первые люди расселись вокруг костра и повели рассказ. Неизвестно, кто придумал эти истории, откуда они взялись, но они существуют во множестве вариантов в разных странах. Нам кажется, что мы знаем сказку про Красную Шапочку вдоль и поперек, но так ли это на самом деле? Останется ли беспечная девочка в живых или погибнет в животе у волка? Сказки, собранные братьями Гримм в Германии в начале XIX века, одни из самых известных и любимых в мире, но именно братья первыми начали постепенно изменять тексты сказок.

Сказки подвижны, для них не существует жестких рамок. Хотя сказки *могут* начинаться словами «жили-были» и заканчиваться «и жили они долго и счастливо», а могут использовать повторы и магическое число три. Но могут обходиться и без этого. Все правила о том, какой должна быть настоящая сказка, мы придумали *после* того, как перестали рассказывать сказки. Для этой книги мы отобрали десять лучших сказок, написанных братьями Гримм. Эти сказки грубые, жестокие, злые, прекрасные, удивительные, волшебные – эпитеты можно перечислять бесконечно. Кто-то, возможно, возразит – они же адресованы исключительно детям. Ведь это сказки, и некоторые истории братьев Гримм, дей-

ствительно, со временем стали *слишком* адаптированными для детей. Очеловеченные животные и истории в картинках про Красную Шапочку и Ханса и Грету. Куда же подевалось все жуткое и страшное? Именно это мы, среди прочего, хотим вернуть в сказку. Вернуть тот прежний мир, те первоначальные истории, которые совершенно очевидно предназначались не только детям, но и всем тем, кому хотелось послушать занимательное повествование.

Сказки подвижны, но мы все же постарались придерживаться первоисточника. Вместе с тем мы что-то добавляли, а что-то опускали в случаях, где сказки позволяли и предполагали подобные изменения. Подробнее об этом сказано в послесловии. Это по-прежнему сказки братьев Гримм, но мы пересказали их *своими* словами и дали волю *своей* фантазии. И путешествие в этот волшебный, опасный и поразительный мир, где волки могут разговаривать, а кости петь, стало для нас настоящим даром и наслаждением.

Бенни Бёджер и Кеннет Бё Андерсен

Ханс и Грета

В вольном пересказе Кеннета Бё Андерсена

Некоторые истории такие омерзительные, что их и рассказывать-то не хочется. Одна из них начинается на опушке дремучего леса, в домишке бедного дровосека, живущего здесь со своей семьей.

Месяц уже возшел, и двое голодных детишек лежали в по-

стели, пытаясь заснуть.

Грете так хотелось есть, что от голода сводило живот. Ей казалось, что внутри у нее сидит какой-то зверь, он грызет и грызет ее, пытаясь выбраться наружу. И время от времени рычит от отчаяния.

– Вот, – промолвил брат, протягивая ей что-то в темноте. Кусок черствого хлеба. – У меня осталось немного от завтрака.

Ей хотелось бы отказаться. Сказать, чтобы он сам съел хлеб, что он изголодался ничуть не меньше нее. Что у него тоже кожа обтягивает кости.

– Спасибо, – ответила она и взяла хлеб. Его было невозможно разжевать, такой он был твердый, и пришлось размягчить его слюной. – Ханс?

– Да?

– Как думаешь, мы скоро заживем лучше?

Каждую ночь один и тот же вопрос, на который он всегда отвечал «да». Словно и говорить тут не о чем. Конечно же, они заживут лучше, и чего она, дуреха, спрашивает.

Для маленького семейства уже давно наступили тяжелые времена. Многие деревья болели, и в поисках хороших дров приходилось забираться в самую чащу леса, и денег было в обрез. Когда-то они держали скотину. Несколько кур, козу и собаку – яйца, молоко, тепло ногам, когда лежишь в кровати. Но беда не приходит одна. Сначала лиса расправилась с курами. Потом коза упала с крутого склона и сломала шею.

Осталась только собака, но кормить ее стало нечем, и однажды вечером удар отцовского топора пришелся не по дереву. Впервые за долгое время они сытно поели, пусть мясо было жестким и сухим, а Грета ела, роняя слезы.

– Как думаешь, мы скоро заживем лучше?

«Да», – всегда отвечал Ханс, но не нынешней ночью. Сегодня он взял сестру за руку и прошептал:

– Ш-ш-ш...

Где-то в лесу, озаренном светом острого молодого месяца, ухала сова. В домишке, за стеной каморки, где спали дети, раздались шаги. В дверях возник черный силуэт. Силуэт задержался на пороге, и Грета не могла понять, отчего ей вдруг стало так страшно, отчего она замерла в постели. Ведь это была мать.

– Дети, вы спите?

Ханс предостерегающе сжал руку Греты, а она взмолилась, чтобы в животе у нее не заурчало.

Да, это была мать, но что-то в ней изменилось за последнее время. Что-то странное появилось в ее взгляде, и она теперь иначе смотрела на Ханса и Грету. Грета помнила, что таким же взглядом мать смотрела на собаку, когда отец решил...

Силуэт исчез.

– Ханс? – прошептала Грета.

– Ш-ш-ш...

И вот – ее голос в темноте. Голос матери доносился из

кухни:

– Мы так больше не протянем. У нас нет денег, и нам нечего есть.

– Знаю, – отозвался отец. – И что нам делать? Что же нам делать?

Он не ожидал ответа. Но ответ прозвучал:

– Мы больше не можем прокормить детей. – Слушая ее холодный голос, Грета думала о месяце, сияющем на небе. Холодном и остром, как отцовский топор. – Им придется самим о себе позаботиться.

– Самим позаботиться? Но...

– Утром мы поведем их в лес и скажем, чтобы они дожидались нас, пока мы за ними не вернемся.

– И... когда мы за ними вернемся?

Тишина. Только вой ветра за окном. И испуганный всхлип дровосека, когда он понял, о чем говорит жена.

– Н-нет. Мы не можем так поступить. Мы...

– Вырасти – значит научиться заботиться о себе, – возразила мать. – Так у них есть хоть какой-то шанс. Мы все окажемся на кладбище, если ничего не предпримем.

– Но они же еще дети. *Наши* дети, и мы...

– Так ты хочешь видеть, как они умирают с голоду? – слова сочились гневом. Словно это страшное решение исходило от него. А после – змеиное шипение: – И ты еще считаешь себя любящим отцом.

Снова молчание. Долгое.

– Ладно, – раздался его сдавленный голос. В нем звучали горечь и стыд. – Поступим, как ты сказала.

Грета на миг совсем позабыла про голод. Она так крепко стиснула руку брата, что костяшки пальцев побелели и засветились в темноте, слезы потекли у нее по щекам.

– Что же нам делать, Ханс? – всхлипывала она. – Они решились...

– Ш-ш-ш, – третий раз раздалось этой жуткой ночью, вонзающей в детей острые зубы голода и страха. – Я кое-что придумал.

Когда родители улеглись, Ханс выбрался из постели и выскользнул за дверь. Грета лежала в темноте, прислушиваясь: снаружи не доносилось ни звука, и ужасные мысли зашевелились у нее в голове. Неужели он сбежал? Бросил ее, воспользовавшись темнотой? Нет, Ханс не мог так поступить. Или мог? В ту минуту Грета уже даже представить себе не могла, на что способны люди.

Но вот брат вернулся. В карманах у него что-то гремело, и он показал сестре, что это: белые камешки. В свете месяца, льющемся сквозь окно, они сверкали, как чеканное серебро.

– Теперь-то мы найдем дорогу домой, – успокоил он сестру. – Не бойся, Грета.

Вскоре Ханс заснул.

Девочка же не сомкнула глаз.

Детей разбудили на рассвете. Солнце еще не встало, но небо над лесом стало розовым, как счастливое будущее.

– Пора вставать, лежебоки, – раздался голос матери, и на миг Грете показалось, что ночной разговор родителей ей просто приснился. Кошмар, вызванный постоянным чувством голода. Что же еще? Тут она встретилась взглядом с глазами брата, и надежда угасла, как свеча в темноте.

– Вставайте, мы идем в лес за дровами.

Молча натянули они свои лохмотья.

Молча взяли хлеб, протянутый матерью.

Молча вышли из дома и побрели за родителями в дремучий лес, плотно обступавший их со всех сторон.

Краем глаза Грета подмечала, что брат бросает на тропинку камешек всякий раз, когда родители сворачивают в сторону.

Они забирались в чащу леса. Все дальше и дальше, пока не остановились на небольшой полянке.

– Здесь вы можете передохнуть, – сказала мать. – А мы пока пойдем за дровами. Как управимся, вернемся за вами.

Отец молчал. Он разложил костерок, чтобы дети обогрелись.

Его глаза блестели, а взгляд казался отсутствующим. Будто в пламени костра он видел нечто, невидимое другим.

Родители ушли. Грета поближе придвинулась к костру, но его тепло не могло прогнать холод, поселившийся внутри нее.

– Прислушайся! – промолвил Ханс. – Слышишь?

Где-то поблизости раздавался стук отцовского топора.

И Грета почувствовала, как ее тело размякло.

– Значит, они нас не бросили!

– Вроде нет, – пробубнил брат, вороша палочкой костер.

Но, похоже, сам он в это не верил.

Минуты складывались в часы, все это время дети поддерживали огонь в костре. До них по-прежнему доносился стук отцовского топора.

Тук. Тук. Тук.

Он рубил как бешеный.

Время шло, глаза Греты стали слипаться, удары отцовского топора перенеслись в ее сон, но теперь топор оказался у нее в руке. Она замахивалась им снова и снова. Только перед ней лежало не дерево – вовсе нет – тут она резко проснулась, почувствовав, как сердце колотится, колотится, колотится. Мгла потихоньку опускалась на землю, было серо и холодно.

Тук. Тук. Тук. Топор по-прежнему рубил – совсем рядом – но его стук больше не успокаивал Грету.

– Ханс, что-то не так.

– Да.

Он поднялся. Держась за руки, дети пошли на стук. Пока они шли, Ханс снова доставал из кармана камешки и бросал на землю. Вокруг сгущалась тьма, удары топора впереди становились громче.

Еще пара шагов, и в свете месяца они увидели, откуда раздавался стук – ветер раскачивал ветку, к которой была привязана палка, и палка билась о дерево. Их обманули.

Грете захотелось упасть и разрыдаться, но брат подхватил ее и показал пальцем на землю. На камешки, которыми он прошлой ночью набил свои карманы. Их было отчетливо видно в свете месяца. Ханс улыбнулся Грете, и они пошли сквозь лес, сквозь непроглядную темень, ступая по камешкам, светящейся лентой пронзающим мрак.

– Я же говорил тебе, что мы непременно отыщем дорогу домой, – снова произнес Ханс. – Не бойся, Грета.

Но Грете все равно было страшно.

Они шли всю ночь и выбрались из леса, когда солнце уже взошло. Они устали и выбились из сил, но, завидев свой домишко, пустились к нему бегом.

Мать встретила их на пороге – она стояла, скрестив руки, а в глазах – удивление. Удивление и гнев.

– Ну и куда вы подевались? – принялась распекать она детей. – Ведь я же велела вам никуда не уходить. Мы вернулись за вами, а вас и след простыл. Мы всю ночь вас искали. *Никогда*, слышите, никогда больше так не делайте, ясно? – Она развернулась и ушла в дом.

В это время отец складывал дрова у сарая. Увидев детей, он выронил из рук охапку поленьев и будто окаменел. Его глаза покраснели, на щеках виднелись дорожки от слез.

– Слава Богу, – прошептал он, обнимая детей. Отец прижимал их к себе так сильно, что они ощущали стук его сердца. – Слава Богу.

И вот они снова были дома. Но страх так и не покинул

Грету.

* * *

Прошло несколько дней. Никто в семье не заговаривал о случившемся. Будто ничего и не было. Но во мраке ночи снова раздался голос матери:

– Как они нашли дорогу домой, ума не приложу. Но тебе известно, что нам придется сделать. Придется завести их еще глубже, в самую чащу леса.

– Но они... они вернулись к нам, – голос отца. Слабый и прерывающийся. Потерянный. – Это знак. Господь милостив, он защитил их. И дал нам еще один шанс.

– Шанс? У нас не будет ни единого шанса, если мы не избавимся от детей. Тот, кого ты зовешь милостивым господом, просто медленно нас убивает, и мы оба это знаем. Ты болтаешь о каких-то знаках, но я вижу только один – пустую кладовую. Чаща завтра утром или топор сегодня ночью. Выбор за тобой.

– Пусть будет чаща, – прошептал отец. В голосе его не было слез. Однажды он уже простился со своими детьми, может, прощаться второй раз не так болезненно?

– Мы справимся, Грета, – утешал Ханс. – Нам нужно только набрать побольше камешков.

И тут раздались шаги. Потом скрип – дверь затворили. И щелчок.

– О боже, – прошептала Грета. – Она заперла дверь. Что же нам делать?

Некоторое время Ханс молчал. Наконец, он заговорил:

– Не плачь, Грета. Я снова кое-что придумал.

На следующее утро их путь снова лежал в лес. Но перед этим...

– Ты не дала нам хлеба, – сказал Ханс. – Если вы снова надолго уйдете, как в тот раз, мы проголодаемся.

Мать немного помедлила. Она не собиралась давать им хлеб – зачем еде пропадать понапрасну? Но чтобы дети ничего не заподозрили, она с улыбкой выдала им по ломтю черствого хлеба.

– Молодец, что вспомнил об этом, – промолвила мать, потрепав Ханса по щеке.

И вот семейство отправилось в лес, и краем глаза Грета подмечала, как ее брат отламывает кусочки от ломтя хлеба и бросает их на землю.

В этот раз они зашли далеко, намного дальше, чем тогда, в самую глушь. Деревья здесь стояли сплошной стеной, заслоня небо, а земля никогда не просыхала.

Они шли все дальше, и Грета украдкой, чтобы не заметили родители, сунула брату свой хлеб, когда от его куска ничего не осталось.

Они все шли.

Наконец, мать остановилась. Взглянула на мужа и кивнула:

– Отличное местечко! – промолвила она, обернувшись к детям. – На этот раз вы будете сидеть здесь, пока мы вас не заберем, ясно?

Отец разложил костер. Огонь долго не хотел разгораться, и отцу пришлось повозиться. Его руки тряслись так сильно, что ему никак не удавалось высечь искры из кресала, а губы дрожали, будто сдерживая готовые вот-вот вырваться слова.¹

Но он не проронил ни звука. Закинув топор за спину, он ушел в лес вслед за женой.

Ханс и Грета снова остались одни. На этот раз не было палки, стучавшей по дереву. На этот раз незачем было обманывать детей и притворяться, будто те не знали, что у родителей на уме.

– Не волнуйся, мы отыщем дорогу домой, – промолвил Ханс, ободряюще похлопав сестру по руке. – Когда взойдет луна, хлебные крошки станут видны.

«К чему все это?» – вопрос готов был сорваться с губ Греты. Ну вернутся они домой и что? Они уже возвращались, да только опять оказались в лесу. Их бросили совсем одних. Но она промолчала, потому что стоит утратить надежду, и все пойдет прахом.

Долго сидели брат с сестрой, глядя на огонь костра, пока, наконец, не уснули, измученные голодом и долгой дорогой сквозь лес.

¹ Кресало – стальная пластинка для высекания огня из кремня; огниво. (прим. ред).

Проснувшись, Грета увидела, что огонь в костре погас, и все погрузилось во тьму. Деревья казались причудливыми существами, перешептывающимися тихими голосами. Луна цвета кости, висящая в черном небе, словно невидящее божественное око, заливала лес молочно-белым светом.

Брата нигде не было.

– Ханс, – шепотом позвала она. – Где ты?

– Они пропали, – ответил он из темноты не своим голосом.

Грета пошла на звук, и Ханс возник перед нею тенью среди теней. Она видела белки его глаз. Отчаяние в глазах.

– Хлебные крошки пропали, наверно, их съело лесное зверье. Я... я...

Грета взяла брата за руку:

– Ты все равно молодец.

– Мы непременно найдем дорогу домой, – промолвил он, стараясь убедить скорее себя, чем сестру. – Мы непременно найдем дорогу домой.

Они решили вернуться к костру – постараться раздуть угли. Им было зябко и страшно, а огонь согревал и защищал от медведей и волков, прежде всего от волков. О них всякое поговаривали. Ходили даже слухи, что есть волки, разговаривающие человеческим языком.

Однако найти костер оказалось так же мудрено, как и найти дорогу домой. В темноте они не понимали, в какую сторону идти, и проблуждали всю ночь.

И весь следующий день.

Пока их ноги не подкосились от усталости. Все мышцы ныли, руки были изодраны в кровь шипами и колючками, а из еды они отыскивали только горсточку кислых ягод, от которых посасывало в желудке.

Дети прилегли под большим буком и заснули, обнявшись. Грете опять приснилось, что в руках она держит отцовский топор. Она заносит его снова и снова, только у ее ног не дерево. А мать, изрубленная, в луже крови, но все еще живая. Она раздражалась смехом всякий раз, как Грета замахивалась топором. Будто ничего смешнее в жизни не видывала.

Грета очнулась словно от толчка. В ушах еще звенел смех матери. Тут она догадалась, что это не смех, а щебетание птиц. Девочка подняла глаза и на ветке бука увидела белоснежную птичку. Птичка чирикала, глядя прямо на нее. Потом взлетела с ветки и села на другое дерево, ее блестящий черный глаз был по-прежнему устремлен на Грету. Словно она...

– Ханс, – прошептала девочка, толкнув брата в бок.

Тот резко сел, испуганно озираясь по сторонам:

– Что такое?

– Видишь вон ту птичку? – ответила Грета, показывая на дерево. – Она будто зовет нас за собой.

Ханс поднялся с земли, и птица качнула головкой.

– Ты это видел? – воскликнула Грета. – Она кивнула.

– Наверное, она съела крошки, – отозвался брат, и в его

глазах зажглась надежда. – И теперь в благодарность хочет отвести нас домой.

Птица снова взлетела, и дети последовали за ней. Они все ускоряли и ускоряли шаг, потом пустились бегом, попевая за птицей, мелькавшей среди деревьев.

Грете почудилось, или и впрямь запахло чем-то вкусным?

И правда, в воздухе разливался сладкий аромат, усиливающийся с каждым шагом.

Тут впереди между деревьев показался домик. На крыше сидела белая птичка, а сам домик...

Грете никогда не доводилось видеть ничего подобного.

Домик стоял на полянке, в полоске солнечного света, и оттого казался еще волшебнее. Ведь он был сложен не из камня и не из дерева, а из пряников, сахарного печенья и полосатых леденцов, крыша – из блинчиков, дверь – из засахаренных яблок, а окошки – из рафинада.

– Куда мы попали? – шепотом спросила Грета.

– Не знаю, – отозвался Ханс. – Но здесь не то, что дома. Здесь-то мы поедим. Спасибо тебе, птичка.

Дети бросились к домику. Хоть и жалко им было поедать такое чудо, но остановиться брат с сестрой не могли. Слишком уж они проголодались, а запахи так и дразнили. Ханс принялся за крышу, а Грета отломил кусочек ставня. Он был из темного шоколада и таял во рту.

– Кто это грызет мой дом? – послышалось изнутри. Голос был надтреснутым, но добрым и приветливым. И тут в дверях показалась миленькая старушка. Она опиралась на палку и подслеповато щурилась глазами. Белая птичка перелетела на плечо старушки, и та ласково погладила птичьи перышки.

– Простите нас, – ответил Ханс, уплетая блин. – Мы заблудились, и птичка привела нас сюда.

– Мы блуждали по лесу весь день и всю ночь, – вторила ему Грета.

Старушка сильнее сощурилась:

– Кажется, это голоса мальчика и девочки. Да, прошу простить меня, но я ужасно плохо вижу. Входите же, бедняжки. Вовсе не нужно грызть мой домик, у меня полным-полно всякой снеди. И я обожаю деток, – с улыбкой прибавила она, когда брат с сестрой переступили порог.

Хозяйка подала на стол свежий хлеб, холодное масло, чай и мед.

– Угощайтесь, – с этими словами она потрепала Ханса по щеке. – Угощайтесь.

И дети, которым никогда прежде не удавалось наесться досыта, ели и ели, пока не почувствовали, что вот-вот лоп-

нут. Вдруг Ханс рыгнул. Грета испуганно взглянула на старушку, но та лишь улыбнулась, и, пододвинув мальчику вазочку с печеньем, сказала, что, видно, у него в животе еще есть местечко.

Тут Грета отвела взгляд в сторону и застыла с набитым ртом. В углу стоял огромный сундук, доверху набитый золотом, жемчугами и драгоценными камнями, которых было так много, что крышка до конца не закрывалась. Куда же они попали?

– Вы разве не поедите с нами? – спросил Ханс.

В ответ старушка покачала головой:

– Я подожду, – и снова потрепала Ханса по щеке. Или Грете это просто показалось? Она точно не знала. Девочка моргнула и с трудом разлепила веки. Зевнув, она увидела, что Ханс тоже клюет носом.

– Что же это я, детки, вы же спите на ходу, – проворковала хозяйка. Она как раз принесла с кухни новую порцию печенья прямо из печки. Такую большую печь Грета никогда в жизни не видела. Но ведь старушке нужно было испечь целый дом. – У меня как раз приготовлены для вас постельки. Ступайте-ка за мной.

Она уложила зевающих детей на мягкие кровати.

«Будто знала, что мы появимся», – подумала Грета, но... У нее возникло странное чувство, что это не ее мысли. Они казались чужими и далекими. Веки девочки налились свинцом, она с трудом поднимала их, и тут Грета догадалась, что

они ели не обычное угощение. Она понимала, что надо бы испугаться. Онеметь от ужаса. Но ужаса не чувствовала. Только усталость. Страшную усталость. И, проваливаясь в забытьё, почувствовала, как ее накрыли одеялом, и увидела лицо склонившейся над ней старушки.

– Я рада, что вы зашли, – произнесла она, словно облизнувшись. Из рта у нее пахло падалью.

* * *

Грета проснулась от того, что ее трясли за плечо.

– Пора вставать, лентяйка ты этакая.

Девочка распахнула глаза и уперлась взглядом в лицо старушки, которое больше не было добрым и приветливым. Ее глаза, вчера голубые и ласковые, стали огненно-красными и злобно сверкали. А неестественно длинные зубы казались такими острыми, словно их кто-то заточил.

– Вставай и приготовь своему братцу поесть, – прошипела старуха, брызгая слюной.

– М-моему братцу? – Грета взглянула на кровать, где вчера лежал Ханс. Она была пуста.

– Да-да, твоему братцу. Он сидит в хлеву, в клетке, а когда разжиреет, я его съем. Будешь хорошо себя вести, дам тебе обглодать его косточки. А после тебе ничего другого уж и не захочется, – голодная улыбка искривила серые губы. – Нет ничего вкуснее человечины.

Вцепившись в Грету острыми когтями, старуха выволокла ее из постели, и девочке ничего не оставалось, как повиноваться. Грета пошла на кухню, заливаясь слезами. И тогда старуха пригрозила вырвать ей глаза, если она сию минуту не утихнет.

В окно Грета видела открытую дверь хлева и клетку, в которой томился Ханс.

Он отпрянул от решетки, когда старуха приблизилась, громко топая.

– Высунь палец, я посмотрю, не отъелся ли ты.

Ханс замешкался, и тогда она ударила по клетке своей палкой:

– Высовывай палец, иначе отрежу все до единого на руках и стану ощупывать пальцы на ногах.

Дрожа, мальчик просунул палец, и старуха ухватила за него. Но тут же раздосадовано хрюкнула:

– Ну и удивил ты меня вчера. Никогда прежде не видывала, чтобы в человека могло влезть столько еды. Да только ты по-прежнему кожа да кости. А мне нужно, чтобы ты оброс жирком, – и с этими словами старуха отпустила палец.

И тут Грету осенило.

Она приготовила брату вкуснейшее угощение и протянула через прутья клетки на глазах у старухи, которая наблюдала за ними из дома. Насколько позволяли ее глаза...

– Она подслеповата, – тихонько, чтобы не услышала старуха, прошептала брату Грета, пропихивая ему сочный ку-

риный окорочок. – Не выбрасывай косточку, просунешь ее в другой раз, когда она придет тебя ощупывать.

Ханс удивленно взглянул на сестру, потом кивнул, сквозь прутья решетки сжав ее руку.

Дни потянулись, похожие один на другой: каждое утро ведьма приходила к клетке, приказывала Хансу просунуть палец, чтобы узнать, отъелся ли он, и каждый раз мальчик просовывал ей куриную косточку вместо пальца. Подслеповатая старуха не могла взять в толк, отчего он не прибавляет в весе.

– Клади больше масла и сала, – велела она Грете, которая теперь целыми днями суетилась на кухне, время от времени откусывая кусочек от угощения, предназначенного брату. По ночам ведьма привязывала ее к кровати, чтобы та не сбежала. Лежа в темноте, Грета обдумывала, что же предпринять. Благодаря куриной косточке они выиграли время, но сколько его?

Оказалось, четыре недели. А после у ведьмы закончилось терпение.

– Я хочу *есть!* – она в ярости захлопнула за собой дверь, вновь ощупав Ханса и вновь испытав страшное разочарование. – Мне дела нет, отъелся твой брат или нет. Она ткнула в Грету дрожащим от бешенства пальцем. Я хочу угоститься человечинкой, сочной, нежной человечинкой, и прямо сейчас. Есть еще жар в печи? Я тебя спрашиваю, есть жар?! – взревела она, не дождавшись ответа Греты.

– Я... я не знаю, – отозвалась девочка, чувствуя, как ее сердце сжимается, превращаясь в ледяной ком.

– Так полезай туда да проверь, негодница, – потребовала старуха. Ее глаза горели безумием, а подбородок лоснился от слюны, и Грета догадалась, что старуха так оголодала, что намерена сожрать их обоих. Так оголодала, что...

Что, видно, плохо соображала, поняла Грета, уж ей ли не знать, как пустой желудок лишает способности зорко видеть и здраво рассуждать.

– Лезть внутрь? – спросила девочка, открывая огромную печную заслонку. Ее обдало жаром. Да, печь была натоплена. Докрасна. – И как мне туда залезть?

– Как? Хочешь задом, хочешь передом, мне вообще все равно, только залезай уже.

– Отверстие слишком маленькое, мне сквозь него не пролезть.

У ведьмы было такое выражение лица, будто она вот-вот задушит Грету за ее глупость.

– Негодница! Гляди сама, какое оно большое, – ведьма наклонилась и всем телом подалась вперед. По пояс оказавшись в печке, она вдруг остановилась. Видно, жар печи привел в порядок ее скачущие мысли и она догадалась, что замышляет Грета. Как эта негодная девчонка пытается ее провести.

Но было слишком поздно.

Грета изо всех сил толкнула старуху в печь, захлопнула

заслонку и закрыла задвижку.

Ведьма завизжала. Сначала она визжала от ярости, изрыгая брань и проклятья. Но как она ни брыкалась, заслонка не поддавалась. И колдовство тоже оказалось бессильно. А потом... Потом она закричала от боли. Она все кричала, а запах горелого мяса разливался по домику из хлеба и блинов, приправленных человеческой кровью.

Наконец, крики смолкли. И Грета выбежала к брату. Тот изумленно уставился на нее, будто на на привидение:

– Грета? Что случилось? Я думал, это ты кричала...

– Она мертва, Ханс. Ведьма мертва, – девочка сняла ключ с крючка на стене у двери хлева и отперла клетку. Сначала она испугалась, что раздобревший Ханс не сможет из нее выбраться, но когда он все же оказался снаружи, брат и сестра бросились обнимать друг друга.

Зайдя в дом, дети рассовали по карманам содержимое большого сундука: золотые и серебряные монеты, сверкающие украшения, оставшиеся от тех несчастных, что попались ведьме в зубы, соблазнившись запахом блинов и пряников.

– Взгляни-ка! – воскликнула Грета, вместе с братом выбегая из дома, где теперь стоял не только запах горелого мяса, а еще и затхлых пряников и плесневелого хлеба. Словно весь дом стал разлагаться. Рядом с домом под деревом лежала белая птичка. Тоже мертвая.

– В какую сторону идти? – спросил Ханс.

Грета пожала плечами и махнула рукой туда, куда был обращен клюв мертвой птички. Ханс согласно кивнул, и вскоре ведьмин дом скрылся за деревьями позади них.

Они шли, солнце светило сначала справа, потом прямо в лицо, затем переместилось влево. Вот уже взошла луна, и дети собрались остановиться на ночлег. Тут в стороне среди деревьев что-то блеснуло.

Дети направились туда и увидели камешек. Потом еще один, множество. Эти камешки Ханс разбросал на тропинке в тот день, когда их первый раз бросили в лесу.

– Думаешь, стоит? – спросил мальчик.

– Не знаю, – отозвалась девочка, вспоминая, как она толкнула ведьму в печку. Как в тот миг представила, что закрыла заслонку за собственной матерью, гибнущей в языках пламени.

– Разузнаем?

– Давай.

Дети пошли дальше.

– Грета?

– Что?

– Тебе страшно?

– Нет, – отозвалась Грета, она и вправду не боялась. Словно вообще больше не могла испытывать страх. Словно он сгорел в печке вместе с ведьмой. Она не знала только, хорошо это или плохо.

Дети шли дальше сквозь темный лес. На пути им не встре-

тился ни один лесной зверь.

* * *

С первыми лучами солнца лес расчертили полосы света и тени. И тут за деревьями показался их домишко. Отец стоял у колоды, при виде чумазных детей, медленно выходящих из леса, он покачнулся.

– Это вы? – прошептал он. – Это в самом деле вы? – отец бегом бросился им навстречу, готовясь сжать в объятиях, как сжимал во сне каждую ночь. Но дети разом отступили назад.

– Где мать? – спросила девочка. Услышав ее жесткий голос и увидев жесткий взгляд, отец понял, что его дочь вышла из леса не той девочкой, которую он туда завел.

– Она умерла, – отозвался отец. Он не сказал, как это случилось, а дети не стали спрашивать, заметили только, что его пальцы крепче сжали топориче.

– Мы вернулись не с пустыми руками, – сказал Ханс, доставая из кармана золото с серебром, засверкавшими на его ладони. Но дровосек этого не видел. Слезы застилали ему глаза, и очертания предметов расплывались. Он и детей-то толком не видел. Зато почувствовал их тепло, падая на колени и прижимая к себе. Почувствовал, как их руки, в конце концов, тоже обхватили его.

Солнце почти взошло.

Поющая косточка

В вольном пересказе Бенни Бёдера

Когда-то давным-давно... Хотя, если хорошенько поду-

мать, то не так уж и давно.

Были времена, когда звери умели говорить, а люди понимать их, когда у гор появились имена, земля лежала невозделанной, а на месте могущественных городов шумели обширные леса, в те времена магия была не просто колдовством и видениями, а искусством подчинять мир своей воле, стягивать на землю звезды и менять направление ветра. В те времена люди были малочисленны и беззащитны, и им приходилось считаться с окружающими их силами природы, таящимися в ветвях и корнях деревьев, в валунах на пустошах, в темных глубинах лесных озер и бесконечных горных ущельях.

Тогда-то, впрочем, не так уж и давно, повадился разорять одну страну дикий кабан.

Разумеется, был то не простой кабан, потому что простыми кабанами в этой лесистой стране никого не удивишь. Стада кабанов бродили среди старых деревьев и рыли землю в поисках пропитания, и, хотя держаться от них стоило подальше, они редко представляли угрозу для людей. Если к кабанам приближались тогда, когда у них появлялись детеныши, самки порой приходили в ярость и нападали, в остальное же время кабаны были не опасны, и когда наступал сезон охоты, людям удавалось завалить пару животных, мяса которых им хватало на долгую зиму.

Так люди и кабаны жили бок о бок с незапамятных времен, и ничто не предвещало перемен.

Но все переменялось.

Старый вепрь повадился разорять лесистую страну. Он был крупнее любого другого кабана, шкура и щетина стали серыми от старости, из пасти торчали огромные изогнутые клыки. В поисках корма это чудовище уничтожало крестьянские посевы, убивало на своем пути коров и овец. Местные жители, ходившие в лес за орехами и грибами, находили там свою погибель. Дошло до того, что люди стали оставлять вепрю пищу на опушках в надежде, что тогда он хотя бы останется в лесу.

Но надежда не оправдалась.

Вепрь продолжал свои разорительные набеги, и никто не мог с ним справиться. Охотники, отважившиеся зайти в чащу леса, чтобы завалить зверя, обратно не возвращались. Зверь разрывал их на куски, ведь его не брали ни лук, ни копьё.

Поговаривали, что изогнутые клыки вепря были огромными и острыми, как кинжалы. Кончик одного обломился в схватке с тремя охотниками, нападшими разом, но и это не убавило силы страшному зверю. Наоборот, с каждой нанесенной охотниками раной он словно становился сильнее и неистовее.

В конце концов, королю, который правил лесистой страной, пришлось назначить награду.

– Тот, кто поймает и убьет вепря, получит самую большую награду, – разнесся во все концы страны королевский указ. –

Тот, кто принесет мне голову яростной твари, получит в жены мою дочь.

На опушке леса жили три брата. Услыхав о награде, обещанной королем, они вызвались отправиться за вепрем.

Старший брат был самым сильным и опытным охотником.

Средний был самым хитрым из братьев и никогда не упускал свою выгоду.

Младший брат всегда пребывал в хорошем настроении и потому слыл простаком. А может, люди считали его таким в силу его возраста – он был совсем юным. Хотя нравом братья различались, каждый из них хотел покрыть себя славой, убив вепря. Да и жениться на принцессе желал каждый.

И потому братья отправились в путь, невзирая на опасность. Разумеется, и про оружие они не забыли. Старший брат присвоил себе лучшее оружие, бывшее в их доме: большой лук, доставшийся им от отца. Средний брат взял с собой короткий меч, его он добыл на войне. Младшему же брату пришлось довольствоваться старым ножом, хотя какой от него прок в охоте на вепря, расправлявшегося с самыми умелыми охотниками?

– Заходите в лес с разных сторон, – приказал король, – тогда у вас больше шансов разыскать эту мерзкую тварь. Помните: тот, кто убьет вепря, женится на принцессе.

– И более того, – прошептал средний брат старшему. – Тот, кто женится на принцессе, станет королем после смерти старого короля.

Братья тронулись в путь на закате солнца, потому что кабаны ведут ночной образ жизни. С наступлением темноты отправляются они на поиски пропитания, и с наступлением темноты их можно разыскать и поймать, если только они первыми не обнаружат охотника.

Младший брат зашел в лес с восточной стороны. Луна лила на землю свой ясный свет сквозь голые ветви деревьев. Парень шагал по кромке леса, будучи в прекрасном расположении духа. Он даже насвистывал. Он ведь почти всегда был в хорошем настроении, а когда у него было хорошее настроение, он неизменно пронзительно и отрывисто свистел. И свист его разносился далеко вокруг.

Но вот лес сделался гуще, деревья встали сплошной стеной, свет месяца больше не проникал сквозь их ветви. В темноте охотник не мог разглядеть собственной руки. Постепенно его охватывал страх перед темным лесом и тем, что его ожидало.

Он и сам не заметил, как перестал насвистывать.

Двое старших братьев выбрали западную сторону леса. Но заходить в него не стали, опасаясь ужасного зверя. Им было прекрасно известно, что охотники опытнее, чем они, и охотники, вооруженные лучше них, сложили свои головы в погоне за вепрем.

А потому братья направились в ближайший трактир, где обычно было шумно, потому что сюда стекались люди со всей округи обмыть удачную сделку, а может, просто потому, что местное пиво было вкуснее, чем кислое пойло, что народ варил дома.

Однако нынче в трактире было немногочленно, ведь люди старались не выходить по ночам из дома, боясь разъяренного вепря. Братьям это было только на руку, они как раз собирались посидеть в тишине и подумать.

Было ясно, что вепря им не одолеть, ведь *никому* не удалось с ним справиться, и нужно было что-то придумать.

– Может, найти какого-нибудь охотника и купить у него кабана? – предложил старший брат. Братья сидели в трактире за кружкой пива. – Выдадим его за ту ужасную тварь и отдадим королю, скажем, что это мы его изловили. Что скажешь, брат?

На это средний брат ответил:

– Я скажу, что мне, как всегда, нравится ход твоих мыслей.

– А как тебе мой план? – настаивал старший брат.

– Скажу, что сперва нам нужно взять еще по кружке пива. За здешним пивом так хорошо думается.

* * *

Пока старшие братья сидели в тепле, строя коварные пла-

ны, младший отважно заходил все дальше в темный лес.

Он забрался в такие места, куда даже днем не ступала нога человека, где в любое время дня и ночи царила непроглядная тьма. Он забрел в такую глухую чащу, что воротился бы назад, кабы знал, как выбраться оттуда.

Юный охотник оказался в самом дремучем уголке леса среди толстых и корявых деревьев, бывших такими с незапамятных времен, и никто не знал, то ли старые стволы сплошь гнилые внутри, то ли, наоборот, такие крепкие, что простоят до скончания веков.

Глаза охотника только-только привыкли к темноте, как что-то промелькнуло впереди меж старых деревьев. Он подкрался поближе и увидел старичка. Лицо его, изборожденное морщинами, походило на кору дерева, а окладистая седая борода топорщилась, словно заросли боярышника. Старичок протянул младшему брату тонкое черное копьё, которое держал в руке.

– Иди дальше в чащу и там ты найдешь вепря, – заговорил он. – Возьми это копьё и рази им, не чуя страха. Оно пронзит все, на что бы ты его ни нацелил.

Видно, парень и впрямь был простаком, раз, поблагодарив старичка, взял копьё.

Ему бы, верно, стоило задуматься, с чего бы вдруг кому-то раздавать такие подарки и разве может что-то на этом свете достаться даром. Вот если б он прислушивался ко всяким историям о подземных и лесных жителях и верил, что это не

просто сказки и преданья минувших дней, то был бы начеку. Однако ж, парень доверчиво взял копьё, от всего сердца поблагодарив старичка, ведь это черное копьё было во сто крат лучше его старого ножа.

Старичок исчез так же внезапно, как и появился, и младший брат пошел дальше в самую старую часть леса и очень скоро наткнулся на вепря. Никогда в жизни он не видел такого огромного зверя, который оказался гораздо страшнее, чем юноша думал.

Вепрь был черный, а вовсе не серый, как говорили, но ясно было, что это и есть тот самый зверь. Его тело сплошь покрывали раны и шрамы, и из спины торчал наконечник стрелы. Эти раны нанесли многочисленные охотники, пытавшиеся завалить зверя, но проигравшие в схватке с ним.

В ночной тьме казалось, что от щетины вдоль хребта вепря исходит красноватое свечение, а глаза полыхают огнем. Но страшнее всего были изогнутые клыки, торчащие из пасти, как два бивня, готовые подцепить врага и свалить с ног.

При виде человека огромный зверь наклонил голову, взрывая землю задними копытами. Он готовился напасть, лязгая челюстями от возбуждения.

Но младший брат больше не испытывал страха. Подаренное старичком копьё, которое сжимали его пальцы, придавало ему храбрости. Он стоял наготове, опустив свое оружие.

От топота копыт задрожала земля, когда вепрь, разбрыз-

гивая пену из пасти, помчался навстречу младшему брату. Но тот не бросился бежать.

Тогда вепрь еще ниже наклонил голову, целясь охотнику в живот и готовясь вспороть его. Но тот не бросился бежать.

Младший брат выставил копьё вперед, сжимая его обеими руками.

Рассвирепев, вепрь с грохотом понесся на охотника, и погиб, пронзенный черным копьём, поразившим его в самое сердце.

* * *

Немного времени спустя младший брат уже выходил из леса с головой кабана, насаженной на копьё, как трофеей. Путь его пролегал мимо трактира, в котором пили пиво и строили планы его старшие братья. При виде удачливого охотника они едва не задохнулись от зависти.

Неужто их никчемный братец смог совершить то, с чем никто не справился? Что и им самим оказалось не по плечу? Ярость застила глаза старшему брату, средний же поспешно пригласил младшего зайти внутрь.

– Садись-ка и отдохни за кружкой доброго пива, – сказал он брату. – Ты и впрямь заслужил это за свой подвиг.

Они усадили младшего брата за свой стол, заказали ему пива и принялись обо всем расспрашивать. Он рассказал им о том, как зашел в лес с восточной стороны, о том, как встре-

тил старичка и получил от него черное копьё, о том, как завалил вепря и в завершении как отрезал ножиком его голову.

Поздней ночью братья вышли из трактира, и старшие пошли впереди. Младший все время отставал. Он не привык распивать пиво, как старшие братья, и потому шел нетвердой походкой. Да и голова вепря была тяжелой ношей, но он по-прежнему нес ее перед собой, насвистывая, по обыкновению, пронзительно и отрывисто, доводя братьев до бешенства своим свистом.

Так добрались они до моста, перекинутого через широкую реку. Там братья остановились, в молчании дожидаясь младшего брата.

– Переходи-ка ты первым, – произнес старший брат. – Ты же у нас, как-никак, герой дня.

Младший, не испытывая и тени недоверия к своим братьям, просидевшим всю ночь в трактире, строя планы, пошатываясь, пошел по мосту. Он свистел так громко и пронзительно, что не почувствовал, как сзади подбежал старший брат и напал на него.

Всего один удар, и парень упал. Он лежал, не шевелясь и не дыша. Средний брат молча стащил тело с моста и под покровом ночи закопал на берегу реки, чтобы его никто никогда не нашел.

Когда средний брат снова взошел на мост, старший спросил:

– С ним покончено?

Средний брат кивнул:

– Больше не будет свистеть, – отозвался он.

Старший брат тоже кивнул, и они замолчали. Стоя на мосту, братья поглядывали то друг на друга, то на черное копьё с головой вепря на острие.

Кровь порождает кровь – это всем известно.

Теперь их осталось двое, но принцесса была всего одна. На их руках уже была кровь, и они не боялись снова их испачкать. Старший брат держал в руке лук, а средний сжимал меч. Готовые к нападению или защите, оба молча наблюдали друг за другом, пока средний не произнес:

– Ты старший, и потому тебе должна достаться голова вепря. Так будет справедливо. За это я возьму себе копьё.

Старший брат надолго задумался. Ему ли было не знать, как хитер его братец, да и копьё, очевидно, хорошая вещь. Да не просто хорошая, а превосходная, стоившая, верно, целое состояние. Но если он берет вепря, значит, ему достается принцесса, а после смерти короля еще и королевство. Ну а уж если старый король решит долго не умирать, ему можно помочь покинуть этот мир, чтобы самому сделаться королем поскорее.

Старший брат все тщательно взвесил, и сомнения покинули его. Пусть это копьё непростое, но разумнее всего выбрать вепря. На этот раз он всех перехитрит!

Решив так, он, наконец, кивнул и протянул брату копьё со словами:

– Это превосходное оружие, любезный брат. Каждый счел бы за честь владеть им. И потому в знак братской любви я отдаю его тебе. Себе же заберу вепря.

Средний брат взял копье, и тут братья расстались. Каждый, не оглядываясь, пошел своею дорогой.

* * *

С новым оружием в руках средний брат отправился в заморские края. Он размышлял о том, что провернул не менее удачное дельце, чем старший брат. Пускай он не женится на принцессе. В конце концов, если разобраться, принцессы – не всегда предел мечтаний, как многим кажется. В большинстве своем они привыкли к роскоши и избалованы, и ни один обычный мужчина не вынесет их капризов. Да, конечно, тот, кто женится на принцессе, станет королем лесистой страны, но если уж начистоту, то на свете много стран побольше да побогаче.

Нет уж, копье ему нужнее, в этом он был уверен. Еще и потому, что ему казалось, он уловил тайный смысл в рассказе младшего брата. Копье, пронзающее всякого, на кого нацелено, – не простое копье.

Оно волшебное.

Такое оружие в нужных руках – а средний брат несколько не сомневался, что руки у него как раз такие – стоит много больше, чем трон в этом медвежьем углу.

Пока ты владеешь волшебным копьем, никто тебя не одолеет. А раз никто не одолеет, любое дело тебе по плечу.

Так что, прощаясь со старшим братом, средний ничуть не считал, что продешевил.

Старший брат тоже был уверен, что совершил отличную сделку. А отчего ему было сомневаться? Он ведь пошел прямо к королю и предъявил тому голову вепря, покрытую жесткой щетиной, с торчащими, как кинжалы, огромными клыками. Во дворце старшему брату оказали прием, достойный героя. Король превозносил его, придворные величали, и все жители страны прославляли.

Принцесса превозносила его наравне со всеми и была на седьмом небе от счастья, выходя замуж за настоящего героя, а не за одного из бледных и никчемных принцев, что пару раз в году появлялись во дворце посвататься к ней, а сами тем временем жирели, объедаясь на королевских пирах.

В общем, все были довольны, и старшему брату оставалось лишь улыбаться. Но только если люди не спрашивали, куда подевались его младшие братья. Тогда улыбка гасла на его лице, будто солнце заходило, и он горестно качал головой.

– Видно, вепрь вспорол им животы на охоте, – отвечал он. – Если б не моя счастливая звезда, меня бы постигла та же участь. Я каждый день благодарю богов за свое избавление.

И тут улыбка вновь появлялась на его лице. И так шел год

за годом.

* * *

Старший брат жил счастливо со своей принцессой, старый король все больше дряхлел, и уже недалек был день, когда старший брат смог бы занять его место.

Со временем он растолстел и размяк от хорошей жизни, совсем как принцы, что прежде сватались к принцессе, а она их отвергала, но для нее это не имело значения.

Щетинистую голову вепря превратили в чучело и поместили на почетное место в тронном зале дворца, и для принцессы старший брат оставался тем же героем, спасшим лесистую страну от ужасного чудовища.

Но как-то раз один пастух перегонял стадо овец через мост на пастбище на другом берегу широкой реки. Он был простым человеком и ничего не слышал о жизни при дворе. Мост же был тем самым мостом, на котором много лет назад два брата убили третьего. И пастух заметил белую косточку, торчащую из земли под мостом.

– Из нее может получиться хороший мундштук для дудочки, – сказал он себе.

Пастух любил музыку, а еще он любил мастерить долги-ми вечерами, освободившись от дневных забот. Он принес косточку домой и самым острым ножом вырезал отверстия, чтобы на ней можно было играть. Но только поднес инстру-

мент к губам, как из новой дудки раздался пронзительный и отрывистый свист. Пастух постучал по дудке, думая, что в ней еще осталась земля, и дунул снова.

Вновь раздался тот же пронзительный и отрывистый свист, но он все дул, и тогда до него донеслись слова:

*Ты послушай мою весточку,
Человек, что дует в мою косточку.*

В ужасе взглянул пастух на новую дудку и попробовал еще раз. И вновь зазвучали слова:

*Ты послушай мою весточку,
Человек, что дует в мою косточку.*

Пастух был, конечно, простым парнем, но все же понимал, что дудка, поющая сама по себе, не простая дудка.

– Отнесу-ка я эту дудку королю, – сказал он себе. – За такой чудной инструмент он, верно, щедро меня наградит.

* * *

Так и случилось. Король был в восторге от необыкновенной дудочки и отправил пастуха домой, щедро наградив. Только король дунул в нее, полилась песня:

Ты послушай мою весточку,

*Человек, что дует в мою косточку,
Мои братья здесь меня погубили,
После тело у реки схоронили.
Чтоб кабана присвоить в ночь
И получить королевскую дочь.*

Король и весь двор потрясенно слушали. И пока придворные удивленно тарасились друг на друга, недоумевая, что же означают слова жуткой песни, король сразу все понял.

Тут же отправил он гонцов за пастухом, а когда тот пришел, велел ему показать мост, где явилась чудесная косточка.

Король приказал перекопать землю на речном берегу, и тогда обнаружили скелет младшего брата, тайно закопанного в этом месте однажды ночью много лет назад.

Увидев кости младшего брата, старший брат разрыдался и сознался в совершенном им столь давно злодеянии, королю же не оставалось ничего другого, как приговорить его к смерти, хотя до той поры он обходился с ним как с родным сыном.

Кости младшего брата бережно выкопали, а потом вновь предали земле, похоронив в красиво убранной могиле на лучшем погосте лесистой страны, чтобы все помнили о нем и его судьбе, а старшего брата меж тем запихнули в мешок и утопили в реке. Той самой реке, у которой некогда братья убили своего младшего брата.

Старшему же брату даже могилы не досталось, и со вре-

менем о нем позабыли.

* * *

А что же средний брат? Как сложилась его судьба?

За эти годы он с копьём в руках пересек много королевств и герцогств по всему свету. Во всякой стране стяжал он власть и несметные богатства, но его влекло дальше к новым победам и новым приобретениям.

Столько с ним всего приключилось, столько он всего узнал и увидел, что напрочь позабыл о братьях, которые у него когда-то имелись, и о том, откуда у него, собственно, взялось копьё.

Ведь с тех пор прошло много-много лет, и скитания наконец привели среднего брата к подножию вечных гор. Там начиналась лестница, поднимающаяся к огромному дворцу – откуда вершились судьбы мира.

Сюда с рассвета до заката тянулись крестьяне с налогами и податями. Здесь же стоял пустой трон в ожидании, что придет средний брат и завладеет им и всей данью, собираемой в стране, как он завладел множеством тронов и дворцов, действуя хитростью и копьём.

Так покорил он все страны, завладел всей властью и всеми богатствами. Но у лестницы, ведущей к трону, стоял человек. Старичок с лицом, морщинистым, как кора дерева, и окладистой седой бородой, стоящей торчком, как заросли

боярышника.

Старичок протянул руку, словно желая подвести среднего брата к трону. Но вместо этого остался стоять с вытянутой рукой.

– Помнишь ли меня? – спросил он.

Средний брат взглянул на него и покачал головой.

– Я шел на восток вслед за солнцем и на запад – за месяцем. Я побывал в странах с двумя лунами и городах, где вечно царит ночь, наблюдал северное сияние и магнетическое свечение, видел все, что есть на белом свете. Но не припомню, чтобы встречал тебя.

Средний брат попытался столкнуть старичка с дороги, чтобы подняться к трону, но старичок с морщинистым лицом и упрямой бородой не позволил себя оттолкнуть, хоть и казался слабосильным старцем.

– Видеть ты меня не видел, – произнес он. – Но ты должен меня помнить.

Настырный старичок начал раздражать среднего брата.

– Как я могу помнить того, с кем никогда не встречался? – отозвался он.

– Копье, что ты держишь в руке, мое, – сказал старичок. – Теперь ты меня вспомнил?

Тут средний брат вспомнил.

Он вспомнил все, что прежде скрывалось за завесой прожитых лет. Вспомнил своего старшего брата и вспомнил, как вместе с ним убил младшего.

Вспомнил и младшего брата и то, как тому досталось копье.

А еще он вспомнил сделку, на которую без особых раздумий согласился старший брат. Что же, как не ее, он должен был помнить все эти долгие годы, когда жажда власти и богатства влекла его с места на место.

Теперь он вспомнил все, да только было поздно.

Средний брат поднял копье, целясь в старичка, и изо всех сил метнул его. Старичок на лету поймал копье. То самое копье, которое всегда разит всякого, на кого нацелено.

Он поймал копье одной рукой и швырнул назад с такой силой, что оно насквозь пронзило брата и, пройдя сквозь сердце, убило его.

Так закончились скитания среднего брата, и не осталось никого из трех братьев, живших некогда в лесистой стране.

История про мальчика, который хотел страху учиться

В вольном пересказе Кеннета Бё Андерсена

Сначала остальные дети называли его смельчаком, и ему это нравилось. Еще ему нравилось ловить их изумленные взгляды, когда он залезал на самую верхушку самых высоких деревьев в лесу. Видеть их прикрытые ладошками рты и прикушенные зубами пальцы, когда он выбегал на поле с разъяренным быком, размахивая красной тряпкой.

Он без тени страха совершал поступки, на которые другие не решались. И он недоумевал. Не почему *ему* нестрашно, а почему *им* страшно. Что с ними такое?

Тогда они стали испытывать его, давая сложные задания, которые он выполнял все до единого. Порой не обходилось без ран и ушибов, но в них он тоже находил удовольствие. У него появлялось чувство... будто... будто... да, будто что? Да он и сам не знал.

Потом дети придумали ему новое прозвище, вот оно-то ему *не* понравилось.

О нем он узнал от старшего брата, когда они как-то вечером сидели у камина, и отец рассказывал им одну историю. В ней было полно привидений и всякой чертовщины, и мальчик заметил, что брат вдруг заткнул уши. И это ему тоже было невдомек. Отчего старший брат не захотел дослушать историю до конца? Она же забавная.

– Рассказ отца совсем не показался тебе жутким? – спросил старший брат, когда мальчики улеглись спать.

– Жутким, – повторил мальчик, перекатывая слово во рту. Он и раньше слышал, как другие дети говорили так, к при-

меру, о кладбище ночью, но... – Это приятный наоборот?

И услышал в темноте безнадежный вздох брата.

– Знаешь, как теперь тебя зовут остальные?

– Как?

– Дурнем, – прозвучал ответ. – И, боюсь, они правы.

– Ты... ты всегда боишься, – огрызнулся мальчик. И снова услышал, как брат вздохнул.

Но слова брата звенели у него в ушах, и той ночью он не сразу смог заснуть. Такого с ним прежде не случилось.

* * *

Брат не солгал. Они называли его дурнем. Шептали, что у него не все дома, постукивая пальцем по лбу. Он замечал это краем глаза, потому что они всегда шушукались у него за спиной, по-другому им было боязно, и мальчик пускался в еще более рискованные затеи. Не за тем, чтоб произвести на них впечатление, а чтобы почувствовать хоть намек на то, что, по-видимому, чувствовали *они*, когда он ставил на кон свою жизнь.

Но он ничего не чувствовал. Совсем ничегошеньки. Он просто-напросто не понимал, что значит бояться. Так, может... может, он и *в самом деле* дурень?

– Мне нужно этому научиться, – пробормотал он себе под нос, вскарабкавшись по отвесной скале. Он стоял на тридцатиметровой высоте, глядя на вертикальный обрыв. Затем

поднял одну ногу и вытянул ее над пропастью. Ветер набрасывался на него, пытаясь вывести из равновесия. Но сердце мальчика билось, как всегда, ровно и спокойно.

Меж тем ему исполнилось шестнадцать лет, и стоя тут, в шаге от смерти, он не ощущал никаких признаков страха, зато чувствовал кое-что другое. Словно не только ветер терзал его, но и что-то внутри. Чуть вдалеке виднелся его родной городок. Отсюда он казался таким маленьким, будто мог уместиться на ладони. Безопасное местечко.

«Что бы ты хотел делать, когда вырастишь?» – иногда спрашивал старший брат, и он всегда отвечал, что не знает. Зато теперь он знал, знал, что...

– Здесь мне этому не научиться, – прошептал он. Мальчик опустил ногу и поднял взгляд. Глядя вдаль на горизонт, он ощутил, что его сердце, наконец, застучало чуточку быстрее. – Мне нужно отправиться в странствие.

Он поспешил домой сообщить отцу о своем решении.

– Я знаю, отец, – сказал он, – знаю, чем хочу заняться.

Отец с любопытством взглянул на сына. Мысленно он уже простился с ним, и об этом мальчик *тоже* знал. Отец каждый день ждал, что сейчас ему принесут весть о случившемся. О том, что бык проткнул его сына рогом или что ветка под ним обломилась, или что он провалился в полынью на озере.

– И чем же?

– Бояться, – ответил мальчик. – Я хочу научиться страху.

Возле камина раздался злобный смешок. Старший брат смотрел на него, выглядывая из-за спинки кресла:

– Господи помилуй, да ты и впрямь последний дурень.

– Я не дурень, но можешь звать меня Господом, – ответил мальчик. – А я стану называть тебя трусом. И мы квиты.

Старший брат стиснул зубы, но промолчал.

– Ты хочешь научиться... – с запинкой произнес отец. Вздохнув, он покачал головой. – Этим трудно будет прокормиться.

Как-то спустя пару дней проходил мимо их дома церковный служка. Без ведома младшего сына договорились отец со служкой, что тот возьмет мальчика в свой дом на обучение.

– Ты еще и в колокол сможешь звонить, – заметил служка со странным блеском в глазах.

Мальчик был разочарован, подумав про себя, что от этого он вряд ли научится бояться, но ему нужны были деньги, раз он собрался странствовать по свету, и он с готовностью пошел вместе со служкой к тому домой.

Около полуночи мальчика разбудила жена служки, велев забраться на колокольню. Колокол должен был прозвонить двенадцать раз.

Позевывая и с трудом разлепляя веки, мальчик полез наверх. И когда он почти добрался до веревки, сон как рукой сняло.

У лестницы рядом с большим колоколом стоял белый

призрак.

– Ты кто? – спросил мальчик, делая шаг по лестнице.

Призрак продолжал стоять молча и неподвижно.

– Отвечай, или я тебе задам! – закричал мальчик, приблизившись еще на два шага.

Ответа не последовало.

– Ну, пеняй на себя, – произнес мальчик, взмывая вверх по трем оставшимся ступенькам.

Белый призрак протянул обе руки, но мальчик поднырнул под них и дал призраку весомого пинка под зад. Тут призрак издал какие-то звуки, но его возглас растворился в грохоте падения, когда он скатился вниз. Докатившись до самого низа, призрак распластался у лестницы. Вновь молча и неподвижно.

Мальчик двенадцать раз ударил в колокол, и, широко зевая, стал спускаться по лестнице. Перешагивая через призрака, лежащего бесформенной кучей, он фыркнул:

– Не говори потом, что я тебя не предупредал.

Он снова улегся спать, и до самого утра ему ничего не снилось.

Через день пришел отец забрать сына, и вид *у него* был страшный.

– А теперь послушай-ка, – прогремел отец, когда они добрались до дома. Лицо его пошло красными пятнами, а палец, приставленный к груди мальчика, подрагивал. – Кончится тем, что тыпустишь нас по миру. Я пристраиваю тебя

на хорошее место, а ты в первый же день ломаешь ноги церковному служке. А что было бы, если б он сломал себе шею?

– Так это церковный служка был там на лестнице, – воскликнул мальчик. – Я подумал, что тот, кто там стоял, хочет меня убить, и несколько раз просил его...

– Он хотел помочь тебе! Я поведал ему о твоих безумных затеях, он пообещал быстро вселить в тебя страх. И что ты за человек?!

Слова отца прозвучали как вопрос, но сын не знал, что ответить. И правда, что он за человек? Он сам понятия не имел.

Отец опустил руку в карман, и, доставая что-то, бросил мальчику. Кошелек. Раздался звон, когда мальчик поймал его.

– Здесь пятьдесят талеров, – произнес отец и продолжил, указывая пальцем на дверь. – Исчезни из моего дома, и ни единому человеку не рассказывай, откуда ты и кто твой отец. Жизнь тяжела и без такого бездаря, как ты.

– Так-то получше будет, чем в учении у церковного служки, – улыбнулся мальчик, опуская кошелек в карман.

– ВОН!

Простившись таким образом с отцом, мальчик пустился странствовать по белу свету, где всякого подстерегает множество опасностей и ничего не стоит распрощаться с жизнью.

Он шел по дороге и напевал, вторя птичьему щебетанию. День клонился к вечеру, когда его обогнала громыхающая повозка.

– И каким ветром занесло сюда такого паренька? – спросил возница, сжимая в зубах трубку.

– Его занесло сюда, потому что он хочет знать, что значит бояться, – ответил мальчик. – Даю пятьдесят талеров, если сможешь мне помочь.

– Бояться, – повторил возница, почесывая затылок. – Хоть и чудное желание, да ладно, я его с легкостью исполню. Видишь вон то дерево? – он указал трубкой на большое дерево чуть поодаль. С его веток что-то свисало, но что именно, издали было не разобрать. – На нем болтаются семь висельников. Разбойники, убийцы и того хуже. Устройся под ним и дождись ночи. Вот тогда твое забавное желание исполнится.

А я приеду завтра за деньгами.

Повозка загромычала дальше, а мальчик направился к дереву с семью висельниками, раскачивающимися на веревках. Очевидно, они долго провисели тут, потому что лесные звери успели вдоволь ими полакомиться. В зловонных кусках мяса, еще держащихся на костях, с отвратительным шелестом роились черви.

– Добрый вечер, господа, – поздоровался мальчик, бросая на землю охапку хвороста, который собрал по дороге. – Вы позволите усталому путнику здесь расположиться?

Мальчик разложил костер, и вскоре отсветы огня заиграли на лицах мертвецов. Небо было усеяно звездами, и луна вставала над лесом. Ветер шелестел листьями и раскачивал висельников.

Мальчик взглянул на них и вздохнул.

– Когда не боишься, обрекаешь себя на одиночество, – произнес он. – Не желаете спуститься вниз и составить мне компанию? И согреть друг дружку не мешало бы, ветер сегодня ночью больно злой.

Мальчик вскарабкался на дерево, ослабил семь петель, а потом усадил мертвецов вокруг костра. Но один из них оказался слишком близко к огню, подул ветер, и лохмотья на теле мертвеца вспыхнули. Пламя быстро перекинулось на сидящего рядом покойника, потом на следующего, и не успел мальчик опомниться, как запылала все семеро.

– Неплохой способ согреться, – произнес мальчик. – И

дров больше не понадобится. Благодарю вас, джентльмены.

На рассвете мальчик вернул обожженные трупы на дерево. Вскоре на дороге показалась повозка с возницей. Подъехав поближе, он поздоровался с мальчиком:

– Доброе утро. Надеюсь, я отработал свои деньги, теперь-то уж ты знаешь, что такое страх.

– Я знаю об этом не больше, чем вчера, – ответил мальчик и добавил, кивнув в сторону повешенных: – Но общество бывает и похуже.

При виде обугленных тел возница охнул так, что трубка выпала у него изо рта.

– Скажи ради всего святого, что здесь произошло?

– Вероятно, им стало холодно, – ответил мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.